

РАЗДЕЛ V. ПОЭТИКА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ББК 83.3(2=411.2)6, 83.3(4)6

УДК 82.01/.09, 82.091

DOI 10.52172/2587-6945_2021_17_3_134

*Ангелика Молнар¹,
Дебреценский университет
4032 Debrecen Egyetem tér 1
manja@t-online.hu*

«ТЕЛО СЛОМАЛОСЬ»: МЕТАФОРЫ БОЛЕЗНИ В ЛАГЕРНОЙ ПРОЗЕ (А. И. СОЛЖЕНИЦЫН И ИМРЕ КЕРТЕС)

В настоящей статье внимание фокусируется на метафорах, связанных с темой заболевания в лагерной прозе, в частности, в повести А. И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» и в романе Имре Кертеса «Без судьбы». Приводятся примеры, через призму которых представляются как сходства, так и различия обработки материала. Методологическое основание данного исследования восходит к теории тропов А. А. Потебни, которая является одной из самых полных и актуальных и в наши дни. Согласно этой теории, по соотношению образа и значения можно различить три группы словообразования или изменения значений. Особенность метафоры раскрывается в подобии, которое создается вопреки различиям, выявленным во вновь и раньше отмеченных признаках. В этом подходе присутствует как принцип нового сочетания, так и замещения. В результате анализа текстов получается, что в повести русского писателя доминируют глагольные метафоры и олицетворения, которые относятся скорее к холоду, чем болезни, представляя мир трудового лагеря и природы. В венгерском романе перечисления сопровождаются и анализом новых соотношений в связи с водой, холодом, человеческим телом, металлом и вещами. Получается, что эти поэтические сочетания предметов и образов существенно отличаются от солженицынских. Наряду с реализациями имен-метафор, в подавляющем большинстве встречаются развертывания определений и развитые сравнения. Они обновляют

¹ Молнар Ангелика, PhD habil. д-р, доцент Института славистики, Дебреценский университет, г. Дебрецен, Венгрия.

поэтический инвентарь лагерной прозы, основополагающей частью которой и являются произведения как русского, так и венгерского Нобелевских лауреатов.

Ключевые слова: Кертес, лагерная проза, метафора, болезнь, холод, тело

Введение

Согласно выдающемуся ученому по лингвистической поэтике А. А. Потембе, слово само по себе является метафорой, которая не может быть ни языковым дефектом, ни риторическим украшением, а только поэтической основой языка, реализующейся посредством сопоставительного признака [1]. Механизм же метафоризации представляется как новое соотношение: признаки обозначают вещь, и наоборот, при чем в новом, неожиданном порядке. Помимо такой иносказательности в тесном смысле, метафоры можно классифицировать, в частности, и с точки зрения их оформления. Различая простые и сложные метафоры по языковым и грамматическим способам их выражения, Потемба утверждает, что они часто встречаются и в виде олицетворений, а развернутыми метафорами могут стать целые поэтические произведения. Продолжая развивать мысль ученого, под метафорой мы понимаем конструкции, сближающие отдаленные понятия, когда сочетание несовместимых элементов «оживляет» метафору, делает её действенной (ср. [2]; [3]). Настоящим мы и прослеживаем сравнения и метафоры у Солженицына и Кертеса под таким углом зрения. Ссылки на страницы изданий ([4]; [5]) не приводятся, так как используются электронные ресурсы.

Метафоры болезни в лагерной прозе А. И. Солженицына

Русский писатель значительно скупее, чем венгерский, пользуется поэтическими образами, поэтому в его произведении мы встречаем сравнительно мало тропов, связанных с болезнью. Сюжет повести «Один день Ивана Денисовича» начинается с исключительного события: в этот день заглавный герой чувствует себя неважно, у него озноб, его «ломит». Солженицын не говорит о конкретном заболевании, лишь о боли героя, которая является результатом тяжелого труда и суровых климатических условий. Дежурного Татарина, как власть имеющего, мороз будто не берет, и в качестве наказания этот герой угрожает Шухову ледяным карцером, представляющим главную пытку лагере. Таким образом, в мире повести погода, зона, каторга и власть соотносятся. Шухов

А. Молнар

в этот раз спасается: ему назначают лишь мыть пол в комендатуре, в которой «яро топилась печь». Здесь наблюдается первый троп по нашей теме: вещь наделяется человеческими свойствами. Герой потому рад работе, что от неё его «ломать перестало». Кажется, реализуется необычное отождествление, в котором труд и лечение ставятся в один ряд: «от болезни работа – первое лекарство».

Шухов же пытается отпроситься, спастись от мороза и каторжного труда в санчасти. В этом лагере нет больницы, однако и здесь герою «дивно», словно санчасть – «райское» место, которому, в отличие от барака, присваиваются признаки тишины, чистоты, белизны, света и тепла. Однако человеческий фактор и здесь искажается: молодой фельдшер назначен лишь ставить уколы, чтобы в остальное время мог писать стихотворения. Сравнение, используемое для характеристики высказываний Шухова о своей боли, выражает смиренность героя: он сказал «совестливо, как будто зарясь на что чужое». Его старания не показаться обманщиком стелкиваются с безразличием нового врача (который иносказательно определяется как «гонкий» и «звонкий»), так как жалующихся больных он наказывает, выгоняя на работу. Шухов мысленно дает объяснение позиции доктора посредством поговорки, обнажающей главную метафорическую оппозицию текста повести – «холода и тепла»: «Теплый зяблого разве когда поймет?». В дальнейшем разворачивается причина болезни каторжников – это сильный мороз. Самые инновативные поэтические сочетания текста повести строятся на образах холода.

Природа выступает против человека наподобие создателей трудового лагеря. Не только на дворе сруб колодца «в толстой обледи», но и внутри барака «наледи», а иней по признакам тонкости и цвета называется «паутинкой белой». Термометр, «обметанный инеем», определяется иносказательно, как «молочно-белая трубочка». Артефакт олицетворяется словно собака, так как с точки зрения заключенных она «брешет», неправильно показывает градусы. Мороз «со мглой» оживает, по своему акту действия становится подобен терроризирующему режиму: он «прихватывал дыхание», «жал» и «поламывал уши», «покусывал» лицо. Мороз так берет, что у каторжников будто «язык отнимается», и все «хоронятся» в свои думы, превращаясь словно в трупы. Употребление глагола не случайно, так как колонна сближается с похоронной процессией, когда передвигаются по степи в ТЭЦ. Только ветер издает звук – «свищет», кроме того, он – «злой», дует наискось, «сечет», олицетворяя смерть. Из-за него особенно сильно чувствуется холод

в пустой тайге, в которой «голый белый снег лежал до края». Снег наделяется свойством голого человека по устойчивому выражению, «мертвой» метафоре. Однако в тексте Солженицына создается и новое слово. Черная толпа заключенных образует цветовой контраст с белым снегом, называемым ими «матерьялчиком», из которого собирается буран. Эта метафора образно отражает жизнь каторжников, так как природное явление определяется через стройматериал. Ласкательная форма слова выражает желание ими бурана, ибо по сугробам невозможно передвигаться, и тогда из барака их не выводят. Вместо этого лагерников выгоняют на работу в воскресенье. Каторжный труд – насильственен, как это гласит переформулированный фразеологизм: «битой собаке только плеть покажи», а бригадир также гоняет своих людей выполнять норму, чтобы с начальством поладить: «И мороз лют, но бригадир лютей». Так устанавливается поэтическое соотношение между человеком и природой по признаку жестокости. И глагол может стать основой параллелизма: подобно метели, работа (проведение труб, чтобы не дымил) «выметает» другие мысли из головы.

В заключение данной части нашего анализа можно утверждать, что в повести Солженицына холод и болезнь взаимосвязаны, и так становятся коренной метафорой мира трудового лагеря и природы.

Метафоры болезни в лагерной прозе Имре Кертеса

В силу того, что в романе Кертеса зиму главный герой-подросток переживает в основном в теплой больнице, такого обширного описания испытаний мороза, как у Солженицына, не встречать. Приводятся другие компоненты, составляющие образ болезни, в том числе, вода. Путешествие Дюри Кёвеша начинается с того момента, когда семья собирает его отца в трудовой лагерь, однако сын занят только утолением своей жажды. Отправление транспорта уже с сыном отмечено наступлением более сильной жажды. Значение названия пункта назначения «Вальдзее» («лесное озеро») для героя носит «обещание» «облегчения» от нехватки воды. Однако «причудливо изломанные, угловатые» готические буквы надписи на станции «Освенцим-Биркенау» на уровне презентации текста предвещают сломление человека. На уровне героя вода сначала понимается как возможность очищения и новой жизни: «мы ведь стояли здесь на пороге новой жизни». Купание, бритье и чистая одежда маркируют для подростка переход в новый статус, однако этот шаг оказывается не традиционной инициацией в мир взрослых, а условием каторжного труда и заключенности. Значение

А. Молнар

названия следующего, концентрационного лагеря Бухенвальда («буковый лес») в известной мере реализуется, так как здесь имеется достаточно питьевой воды и вода в бане теплее. Добавим, что именно здесь и будет подлечен Кёвеш после того, как в лагере в Цейце он полностью истощается от тяжелого труда и теряет «желание жить».

Слом тела метафоризируется: «поезд стал замедлять ход, готовый вот-вот остановиться совсем». Тело – это своего рода «механизм», с которым герой жил «в согласии» в детстве, а теперь он поражается, «наблюдая ту скорость, тот сумасшедший темп», с которым пропадает функциональная красота его тела, превращаясь в отдельное существо («огненный мешок»). Итак, поезд в романе является не только транспортным средством в иной мир лагеря, но и метафорой больного тела, которое также и олицетворяется, «приучает» и делает «новые сюрпризы», из-за которых герой оказывается госпитализированным. Госпиталь в Цейце не представляет собой место для восстановления и оживления человека. Дело в том, что водный напор (то есть струя, «которая преследовала» героя), направленный на больного, холодная. Также холодная и грязная вода общей ванны, в которую посадят героя, наполнена язвами других людей и не может вылечить больного. Другое неприятное явление – это концентрация многих больных в одном холодном помещении. Однако именно это и создает тепло, так как больные «горят». Контраст «горячечного» дыхания людей и морозной погоды представлен при помощи метафорического глагола: на железных решетках «лохматился иней». В связи с природой также создаются олицетворения: небо покрывают «свинцовые, лениво ползущие зимние тучи».

Полуживого Кёвеша возвращают обратно в Бухенвальд вместе с трупами других каторжников. В вагоне поезда тело героя лежит на полу: под его спиной «каменистая почва с подернутыми ледком лужами», в венгерском оригинале это выражается метафорически: лужи с ледяной кожей (jégbőrös). Так реализуется и метафора имени Кёвеша, означающего «каменистый». В переносном смысле умирающее тело не только каменеет, но и леденеет. В бреду теряющего сознание героя все теряет контуры, светлый образ врача размывается, и вместо человеческих черт видятся темные провалы, оставляя «щели, просветы» лишь для размышлений «о бездонной глубине» положения героя: где-то виделась «серая мефистофельская шапка, похожая на мою». Вещь идентифицируется, как принадлежащая дьяволу. Тело сваливают на обочине, поэтому оно и соотносится с «отходами», мусором. Согласно Кёвешу-говорящему, выражение «бранные останки» в связи с его телом неадекватно, так как «оно могло относиться только к усопшим», а в нем, согласно развернутой метафоре, «пускай едва-едва теплясь, <...>, тлел еще,

как принято говорить, огонек жизни». И так, здесь наблюдается критика общепринятого значения выражения. Инновативные соотношения текста создаются с точки зрения переживаний Кёвеша, являющимся некой трансфигурацией субъекта текста. Голос героя определяется, как «хриплый шепот», однако он обретает «металлическ(и)ое звуча(вший)ние», когда издает сигнал жизни, несмотря на то, что желание жизни в тот момент кажется ему «нелепым», «глупым».

Прежде чем герой получает шанс на лечение и выживание в теплой и чистой больнице, в которой и одеяло воспринимается как «незыблемая надежность», он сначала попадает в лазарет, в котором смывают его теплой водой, которая носит очистительную и регенерирующую функцию. Она необходима для больных, у которых костлявые ноги, похожие «на палки», а обилие деталей позволяет метонимически представить из массы «бывших человеческих лиц» нескольких «человеческих особей». Если больные изображены почти как предметы, то для характеристики врачей применяются зоонимические сравнения. Так, речь французского врача, дающего больным больше кусков сахара за владение языками, уподобляется «птичьему чириканью», общению с канарейками. Старшего же доктора Кёвеш сопоставляет с «хитрой лисой», однако считает «красивым человеком», у которого кожа «матово поблескивает» на свете, как на лицах свободных людей дома. После лагерного опыта героя эти качества переоцениваются также, как и исключительность немецкого врача, которая раскрывается посредством отрицательных, «мертвых» образов: его лицо кажется изваянным, «словно топором высеченным», а кожа – как «обнаженное мясо».

Передача пациента в распоряжение этого доктора представлено как сделка, что заставляет вспомнить как о мелкой торговле отца героя, так и о продаже-покупке человеческих душ вообще. Таким образом, у Кертеса болезнь и больница становятся метафорами лагерного строя и маленькой моделью мира, охваченного войной против человека. Врач Кёвеша выражает расположение к немцу, «как желанному гостю», объясняя ему, «словно торговец на рынке», свое «желание скорее избавиться от залежавшегося товара». Главврач слушает его молча, «как солидный, но недоверчивый покупатель», но в конце концов соглашается «приобрести товар», т. е. больного. А лечение сопоставляется в тексте романа с театральной игрой и ритуалом: и больные, «и даже предметы обстановки участвуют, играют свою роль, подыгрывают врачу, с одинаковой серьезностью репетируют, подтверждают неизменность этого ритуала, словно ничего нет более естественного», чем делать вид, будто у врача, самое важное дело – «исцелять», а у больных, «скорее выздоравливать».

В Освенциме белизна обозначает чистоту и порядок немцев, а красный цвет – кровь и смерть, результат их деятельности. В больнице же все происходит по немецким «правилам» и «порядку», как в лагере смерти, однако, вопреки ожиданиям, здесь вылечивают, а не убивают людей. Следовательно, всё действует приятно на восприятие героя: и «коридор, блистающий подозрительной чистотой», и «теплая, светлая комната», и «господствующий здесь темно-красный цвет». Не только основные признаки немцев подвергаются переоценке, но и вещи. Даже шумящая железная печка становится приятной, потому что издает тепло и это олицетворяется по звуку: как «вовсю гудит, потрескивает огонь». Изменения в силу приближения войны в этот «мирный» уголок представляются через призму пациента: глаза главврача теперь налиты кровью, вокруг ран больного кожа «пылает», ему мешают как вой сирен, так и прибытие многих раненых.

Параллельно с этим, обычный предмет, репродуктор также переименован: «коричневая коробка» метонимически замещается взглядом, затем голосом человека, который сначала описан, как «глядящий, мелодичный», но при воздушной тревоге становится более резким и тревоженным, согласно глагольным метафорам, определяющим его: он «трещит», «рычит», «разрывается», «скрежещет». Подобному переименованию подвергается и другая вещь: карабин. Сначала детализируется улыбка ласкового и дружелюбного санитаря Петьки, вынимающего вещь, эта улыбка уподобляется передаче подарка: «с такой улыбкой, которая напомнила мне дом <...>, когда мне показывали, вытащив из-под елки, предназначенный мне, особо ценный рождественский подарок». «Домашнее» сравнение и здесь свидетельствует о детском кругозоре говорящего. Сверток кажется «белым флагом», а вид блестящей «металлической трубки» вызывает в памяти Кёвеша и само слово – наименование предмета, которое встречалось в книгах «про сыщиков и разбойников». Таким образом, книжные знания, литература снова воплощается в реальности, однако не романтически, а в своей ужасающей реальности, вместо «автоматизмов» языка создаются новые сближения.

Заключение

Подытоживая наше краткое перечисление тропов, мы можем остановиться на этом моменте. В венгерском романе холод и болезнь также соотносятся, однако наряду с реализациями имен-метафор, чаще встречаются развертывания определений и сравнений. Именно они обновляют поэтический инвентарь лагерной прозы даже в связи с такой многообразной почвой для смыслопорождений, как метафоры болезни.

Литература

1. Потебня А. А. Теоретическая поэтика. Москва – Санкт-Петербург: Академия, 2003. С. 173–305.
2. Рикер П. Метафорический процесс как познание, воображение и ощущение. (Пер. М. М. Бурас и М. А. Кронгауза) // Арутюнова Н. Д., Журиная М. А. (ред.) Теория метафоры. Москва: Прогресс, 1990. С. 416–434.
3. Рикер П. Живая метафора. (Пер. А. А. Зализняк) // Арутюнова Н. Д., Журиная М. А. (ред.) Теория метафоры. Москва: Прогресс, 1990. С. 435–455.
4. Солженицын А. И. Один день Ивана Денисовича. Москва: ЭКСМО, 2010. [Электронный вариант] URL: <http://www.lib.ru/PROZA/SOLZHENICYN/ivandenisych.txt> (дата обращения: 10.03.2021).
5. Кертес Имре. Без судьбы. (пер. Ю. Гусева.) Москва: Текст, 2004. [Электронный вариант] URL: http://loveread.ec/read_book.php?id=39018&p=1 (дата обращения: 10.03.2021).

REFERENCES

1. Potebnja A. A. Teoreticheskaja pojetika. ['Theoretical poetics'] Moskva-Sankt-Peterburg: Akademija, 2003. S. 173–305. (In Russian)
2. Ricouer P. Metaforicheskij process kak poznanie, voobrazhenie i oshhushhenie. ['Metaphorical process as learning, imagination and senses'] (Per. M. M. Buras i M. A. Krongauza) // Arutjunova N. D. – Zhurinskaja M. A. (red.) Teorija metafory. ['Theory of metaphors'] Moskva: Progress. 1990. S. 416–434. (In Russian)
3. Riker P. Zhivaja metafora. ['Living metaphor'] (Per. A. A. Zaliznjak) // Arutjunova N. D. – Zhurinskaja M. A. (red.) Teorija metafory. ['Theory of metaphors'] Moskva: Progress. 1990. S. 435–455. (In Russian)
4. Solzhenitsyn A. I. Odin den' Ivana Denisovicha. ['One Day of Ivan Denisovich'] Moskva: EKSMO, 2010. [Jelektronnyj variant] URL: <http://www.lib.ru/PROZA/SOLZHENICYN/ivandenisych.txt> (accessed: 10.03.2021). (In Russian)
5. Kertesz Imre. Bez sud'by. ['Fatelessness'] (per. Ju. Guseva.) Moskva: Tekst, 2004. [Jelektronnyj variant] URL: http://loveread.ec/read_book.php?id=39018&p=1 (accessed: 10.03.2021) (In Russian)

A. Молнар

"THE BODY IS BROKEN": THE METAPHORS OF ILLNESS
IN CAMP PROSE
(ALEXANDR SOLZHENITSYN AND IMRE KERTESZ)

Angelika Molnar

PhD Doctor (habil.), Associate Professor of Institute of Slavistics,
University of Debrecen (Debrecen, Hungary)

Abstract

This article focuses on metaphors related to the topic of the disease in camp prose, in particular, in the novel by A.I. Solzhenitsyn "One Day of Ivan Denisovich" and in the novel by Imre Kertesz "Fatelessness". There are examples through which both similarities and differences of material processing are presented. The methodological basis of this study dates back to A.A. Potebnya's theory of the trails which is one of the most complete and relevant today. According to this theory, the correlation of image and meaning can distinguish three groups of word formation or changes in meanings. The peculiarity of the metaphor is revealed in the likeness, which is created in spite of the differences shown in the newly and previously marked signs. This approach is present as a new combination and a replacement. As a result of the analysis of the texts, it turns out that the story of the Russian writer is dominated by verb metaphors and similes, which refer more to cold than to diseases, as a fundamental metaphor of the world of labor camp and nature. In the Hungarian novel, the listings are accompanied by the analysis of new ratios in connection with water, cold, human body, metal and things. It turns out that these poetic combinations of objects and images are significantly different from Solzhenitsyn's. Along with the implementation of name-metaphors, there are overwhelmingly identified definition deployments and developed comparisons. They update the poetic inventory of camp prose, the fundamental part of which is also the works of both the Russian and Hungarian Nobel laureates.

Keywords: Solzhenitsyn, Kertesz, camp prose, metaphor, disease, cold, body

Для цитирования: Молнар А. «Тело сломалось»: метафоры болезни в лагерной прозе (А. И. Солженицын и Имре Кертес) // Libri Magistri. 2021. № 3 (17). С. 134–142.

Поступила в редакцию 07.05.2021